

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Н.А. Балаклеец

СУБЪЕКТ И ВЛАСТЬ: ЭССЕНЦИАЛИЗМ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи являются эссенциалистские и постэссенциалистские подходы к субъекту власти. Современная политическая философия обнаружила методологическую несостоятельность эссенциалистской трактовки субъекта-властителя как феномена, детерминированного высшей метафизической сущностью, а также классической субъектно-объектной модели власти в целом. Автор, опираясь на исследования Ф. Ницше, А. Кожева, Л. Альтюссера, М. Фуко и других мыслителей, подробно рассматривает причины кризиса и эвристической неполноты эссенциализма применительно к политической философии, а также рассматривает попытки его преодоления. В статье эксплицируется многозначность способов описания и характеристик субъекта власти, представленных как в классических, так и в современных концепциях. Наряду с общенаучной методологией исследования в статье используются конструктивистский и постструктуралистский подходы, герменевтический метод, а также метод сравнительного анализа философских учений. Новизна исследования заключается в комплексной и системной характеристике эссенциалистских теорий власти, экспликации методологических «проблемных мест» как эссенциализма, так и конструктивизма. Автор приходит к выводу о методологической бесплодности использования в современных политико-философских исследованиях классической картезианской категории субъекта. Вместе с тем несостоятельной является и установка на тотальную элиминацию данной категории из арсенала современной политико-философской мысли, демонстрирующей обширный концептуальный аппарат для выражения субъективности. Особым вкладом автора является неклассическая интерпретация категории субъекта власти в работах Ж.-Ж. Руссо и К. Клаузевица.

Ключевые слова: субъект, власть, трансгрессия, трансценденция, политическая философия, эссенциализм, метафизика, раб и господин, Кожев, Фуко.

Abstract. The aim of the present article is to study essentialist and post-essentialist approaches towards the subject of power. Modern political philosophy has revealed methodological inconsistency of essentialist interpretation of the ruler which was regarded as a phenomenon determined by supreme metaphysical essence (Wesen). Unsound is today the classical subject-object model of power in general. Using the ideas of Friedrich Nietzsche, Alexandre Kojève, Louis Althusser, Michel Foucault and other thinkers, the author examines in detail the causes of the crisis and heuristic incompleteness of essentialism in political philosophy. The article considers the attempts to overcome it. The author makes explicit ambiguity of the ways of describing and characterizing of the power subject represented in classical and modern concepts. Along with general scientific research methodology the author uses constructivist and poststructuralist approaches, hermeneutic methodology as well as the method of comparative analysis of philosophical doctrines. The novelty of the research lies in the comprehensive and systematic characterization of essentialist theories of power, explication of methodological "problem areas" of essentialism and constructivism. The author concludes the methodological fruitless using of classical Cartesian subject category in modern political and philosophical studies. However, the total elimination of this category from the arsenal of the modern political and philosophical thought demonstrating a broad conceptual apparatus for the expression of subjectivity is also untenable. The special contribution of the author consists in non-classical interpretation of the category of power subject in the works of Jean-Jacques Rousseau and Carl von Clausewitz.

Key words: Foucault, Kojève, Servant and master, Metaphysics, Essentialism, Political philosophy, Transcendence, Transgression, Power, Subject.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта проведения научных исследований «Комплексное исследование трансгрессии как сущностной характеристики современной социально-культурной реальности», проект № 15-33-01222.

Вопрос об онтологическом статусе субъекта власти относится к одним из наиболее остро дискутируемых в современной политической философии: следует ли признать наличие субъекта, трактуемого как источник политической власти в обществе или же пришло время отказаться от категории субъекта как методологически непродуктивной? Цель настоящей статьи – рассмотреть феномен субъекта власти с позиций как эссенциалистских теорий, согласно которым он является причастным высшей метафизической сущности власти, так и современных неклассических философских концепций, обосновывающий конструктивную, не детерминированную трансцендентными принципами природу субъекта-властителя.

Следует отметить, что важнейшая онтологическая характеристика политической власти в любую историческую эпоху – стремление к постоянному наращиванию своего могущества, преодолению своих границ и расширению своего объёма. Власть, стремящаяся к простому сохранению самое себя в прежнем качестве, удержанию status quo, обречена на поражение. Та система власти, которая отказывается от борьбы, активной, непрестанной и неослабевающей экспансии, расширения подконтрольного ей социального пространства, укрепления собственной позиции, будет с весьма высокой долей вероятности заменена более эффективной системой властных отношений. И напротив, та власть, которая постоянно превосходит свои собственные границы, наращивает и преумножает свои возможности, тем самым увеличивает свои шансы на долгосрочный успех. В этой связи Ф. Ницше отмечает: «По моим представлениям, каждое специфическое тело стремится захватить господство над всем пространством, распространяя на него свою силу (– свою волю к власти) и отбрасывая прочь всё то, что сопротивляется его экспансии» [1, с. 342]. Осуществление власти всегда теснейшим образом связано с феноменом границы. Естественной для власти – и в этом тезисе мы следуем в русле ницшевской мысли – является потребность в выходе за собственные пределы и, напротив, стремление замкнуться в раз и навсегда обозначенных границах, установка на самоограничение свидетельствует о слабости власти. Для сохранения однажды завоеванной позиции власть вынуждена осуществлять постоянную трансгрессию собственных границ. Определение собственных границ необходимо для власти лишь как момент их последующего преодоления. Самотождественность власти приводит к её гибели.

Власть как онтологический феномен стремится к утверждению единичности и исключитель-

ности собственной позиции, закреплению за ней особого статуса в онтологическом пространстве, а также к приращению и расширению подконтрольных ей сфер. Вместе с тем власть добивается онтологической неполноценности подвластных, зависимых от неё элементов, нивелирует их уникальность, умножая их число. Стремление добиться отличия от других (подвластных феноменов) при одновременном приведении их к гомогенной множественности – вот что является двигателем власти, производящей копии при одновременном удержании за собой статуса оригинала. Динамика отношений власти приводит к созданию уникальных, сингулярных топосов («мест») в социальном пространстве, но эти единственные в своём роде элементы редуцируются, копируются другими топосами, утрачивая тем самым статус уникальности [2]. На смену единичному приходит множественное. Тем самым отношения власти вынуждены включаться в процесс порождения новых уникальностей, которые заведомо обречены на воспроизводство.

Таким образом, следует выделить два способа осуществления власти: во-первых, производство различий и разрывов в структуре социального пространства (трансгрессия); во-вторых, механизм дублирования, нейтрализации различия и приведения его к тождеству (если подразумевается абсолютно интегрированное единство, абсолютное тождество, то речь идёт о трансценденции).

Проблема власти может быть редуцирована к вопросу «Что есть власть», и экспликация этого «что» власти, т.е. её сущности, субстанциальной основы, предполагает выстраивание определённой метафизики властных отношений. В эссенциалистских концепциях власти в качестве источника, носителя и основания отношений власти рассматривается высшая сущность – субстанция или трансцендентальный субъект, противопоставляемый подвластному объекту. В предельно широком смысле слова под эссенциализмом понимается философский подход, полагающий в качестве основы существования некое устойчивое, самотождественное основание, сущность (essentia). Первоначально схоластическое понятие essentia противопоставлялось «экзистенции» (existentia), т.е. изменчивому, конечному существованию [3, с. 239]. Эссенциализм, ориентированный на поиск за преходящими имманентными вещами их трансцендентной сущности, обнаруживает тесную связь с базовыми принципами классической метафизики, согласно которым существование тленного и неподлинного имманентного мира обусловлено сверхчувственной реальностью.

В данной статье мы не ставим перед собой масштабную задачу детальной историко-философской экспликации эссенциализма. Нас интересуют эссенциалистские теории субъекта власти и пути их преодоления в современной политико-философской мысли. В качестве одного из наиболее удачных примеров иллюстрации онтологических и методологических свойств эссенциалистских моделей власти рассмотрим концепцию власти А. Кожева [4]. В предельно ёмкой и концентрированной форме данная концепция резюмирует выводы теорий власти, созданных мыслителями разных эпох на протяжении всей истории развития философской мысли. При этом философ не только анализирует эссенциалистские учения о власти, но и в разработке собственной концепции демонстрирует принципы эссенциализма. Эссенциалистский подход к феномену власти у Кожева проявляется уже в его формулировке вопроса о власти, предваряющего описание принципов её феноменологического анализа: «Что это такое?» (впоследствии М. Фуко будет рассуждать не о том, *что* собой власть представляет, но о том, *как* она осуществляется). Ответ на вопрос, сформулированный Кожевным, должен эксплицировать «*сущность* (идею, *das Wesen*) Власти как таковой» [4, с. 10]. Следующий уровень анализа власти – метафизический – предполагает рассмотрение феномена власти (очищенного от акцидентальных, случайных свойств) в связи с «фундаментальной структурой объективно реального мира» [4, с. 10], обнаружение метафизического источника власти. Наконец, высший уровень анализа власти – онтологический – нацелен на описание структуры бытия власти [4, с. 11, 90], которая проявляется на феноменологическом уровне в структурах имманентного мира.

Сущность власти, согласно Кожеву, проявляется в социальных феноменах по-разному, разделяя их на носителей власти (свободных и сознательных деятелей) и подвластных, испытывающих воздействие и сознательно не противодействующих власти. Определяя власть как «*возможность действия* одного деятеля на других (или на другого) без того, чтобы они на него *реагировали*, хотя и *способны* это сделать» [4, с. 17], мыслитель исходит из таких её характеристик, как активность, социальный характер (для осуществления власти необходимы как минимум двое индивидов), необходимость легитимации (признания). При этом то воздействие, которое оказывает власть на подвластных, оказывается односторонним: истинная власть, в отличие от насилия, не встречает на пути своего осуществления никакой реакции противодействия (хотя, подвластные, так же, как и властитель, наделенные

свободной волей, при желании могли бы оказать сопротивление власти). Власть – это возможность, которой можно обладать и которую можно утратить, встретив противодействие извне, но, тем не менее, неизменной остаётся её надындивидуальная сущность: «При том, что Власть остаётся той же самой, личности, которые её представляют, воплощают, реализуют, служат материальным «носителем» и т.п., могут меняться» [4, с. 69].

Сущность власти проявляется в одном из типов властных отношений или в их комбинации на уровне её конкретных, эмпирических носителей. Кожев выделяет четыре «чистых», не сводимых друг к другу типа власти, в зависимости от сущности, полагаемой в качестве её основы. При этом обоснование того или иного типа власти представлено в одном из учений, оказавших значительное влияние на историю политической философии. Первый тип власти – власть Отца – является предметом рассмотрения схоластической философии и теологии. Он основан на неоспоримом и безусловном характере божественного абсолюта, трансцендентная власть которого служит условием возможности существования любой истинной власти в обществе. Второй тип власти (власть Судьи), осмысленный ещё в философии Платона, укоренён в следовании понятию справедливости. Онтологическое обоснование третьего типа власти (власть Вождя) изложено в философии Аристотеля. Согласно античному классику, властитель (господин) имеет власть над рабом в силу своей способности предвидения, предвосхищения событий, которой лишены подвластные (рабы). Наконец, четвёртый тип власти (власть Господина) разработан в гегелевской диалектике. Господином становится тот из противоборствующих соперников, кто ради удовлетворения своего желания (быть признанным другим) преодолел свой животный страх и поставил в борьбе за власть на кон свою жизнь [4, с. 7-50]. Несмотря на очевидные различия в трактовке сущности власти, все четыре вышеупомянутые теории власти опираются на метафизический порядок фундирования, постулируют онтологическую неравноценность властителя (воплощающего в себе сущность власти) и подвластного (лишённого этой сущности) и каузальную зависимость между ними. Хотя, согласно замечанию Кожева, гегелевская теория власти занимает среди четырёх выделяемых им концепций особое место как наиболее философски разработанная, на наш взгляд, ей следует отвести особое место ещё и потому, что, в отличие от концепций Платона, Аристотеля или схоластов, она не может быть однозначно признана эссенциалистской. Как будет показано ниже, от-

ношение между рабом и господином не является односторонним отношением господства, но носит неоднозначный и амбивалентный характер (и это обстоятельство подчёркивается самим Кожевым в работе «Введение в чтение Гегеля» [5]).

Выходя за рамки исследования А. Кожева, обобщим ключевые особенности эссенциалистских концепций власти. Во-первых, сущность власти в них закрепляется за субъектом-властителем, обладающим особой природой и особыми свойствами по сравнению с подчинёнными ему феноменами. Действия властителя обусловлены высшим метафизическим основанием (природой или Богом) либо он сам является источником и основой власти и – шире – социальных отношений (в этом случае фигура властителя описывается с помощью картезианской категории субъекта). Подвластные феномены лишены причастности к метафизической сущности власти, что делает их онтологически неравноценными субъекту-властителю.

Во-вторых, эссенциализм применительно к субъекту власти проявляется в наделении последнего телом, инородным по отношению к телам подвластных и обладающим свойством саморепрезентации в политическом пространстве, которая, в свою очередь, гарантирована способностью властителя репрезентировать принципы высшей – божественной – власти. Так, Аристотель различает телесные особенности рабов и господ, в силу которых сама природа предназначила одним господство, а другим – подчинение: «Природа желает, чтобы и физическая организация свободных людей отличалась от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов ... свободные же люди держатся прямо и не способны к выполнению подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни» [6]. Интерпретируя теорию власти Аристотеля, Э. Баркер указывает на понимание античным мыслителем раба как на «продолжение тела хозяина», которое лишено способности управления самим собой [7, с. 526].

Как отмечает М. Ямпольский: «Первоначально власть символически понижала тело монарха, который понимался как наместник Бога на земле» [7, с. 548]. Собственно тело власти, согласно эссенциалистскому его пониманию, сконцентрировано в теле властителя. Знаменитая теория двух тел короля, согласно которой монарх обладает не только брэнной плотью (что уподобляет его любому смертному), но и непреходящим политическим телом, подчёркивает неизбывный характер монархической власти, который обусловлен её связью с трансценденцией [8].

Во-третьих, эссенциалистские подходы описывают отношения власти через призму дихотомической структуры господства-подчинения, в соответствии с которой можно провести строгую и однозначную демаркацию между господствующими и подчинёнными феноменами социального пространства и выстроить иерархию властных отношений, обусловленную естественными (природными) и/или социальными (политическими, правовыми) факторами. Власть осуществляется путём одностороннего воздействия субъекта-властителя на подвластных, которые лишены существенных свойств, необходимых для реализации политической воли. И эта иерархическая структура властных отношений, основанная на принципе дуализма и односторонней зависимости, как мы увидим ниже, является одним из уязвимых моментов эссенциализма, дающих повод для критики со стороны неэссенциалистских подходов к власти.

Начиная с эпохи Нового времени, когда человек впервые помыслил себя в качестве субъекта («лежащего в основе всего» [9, с. 58]) – метафизического основания всего сущего, источника всех существующих социальных отношений, феномен власти обретает новые концептуальные горизонты своего осмысления, что открывает возможности для многократного усиления политической власти. Критика трансцендентного характера власти и закона приводит к становлению нововременной метафизики познания, закрепляющей статус законодателя за трансцендентальным субъектом. Отныне власть утрачивает свой трансцендентный характер. Метафизическая трактовка власти как трансцендентного феномена, обладающего абсолютным, вечным и неизбывным характером, на наш взгляд, может рассматриваться как своеобразный механизм ограничения власти, устанавливающий её границы и пределы, чётко локализирующий сферу её присутствия. Феномен трансценденции связан с идеей естественного (природного или божественного) закона. На протяжении длительного времени политическая власть была лишена законотворческой функции. Трактовка закона как средства выражения общей воли, артикулированной в общественном договоре, привела к появлению законодательной власти, что, в свою очередь, усилило возможности политической власти в целом. К примеру, уже концепция общественного договора, разработанная Ж.-Ж. Руссо, свержает с пьедестала власть трансцендентного закона, объявляя подлинным источником власти и сувереном (активным политическим организмом) народ: «Раз ни один человек не имеет естественной власти над себе подобными и поскольку сила не создаёт

никакого права, то выходит, что основой любой законной власти среди людей могут быть только соглашения» [10, с. 155]. Акт заключения общественного договора есть выражение общей воли народа, который в трактовке Руссо предстаёт самоучреждающим, самоконституирующим субъектом власти. Акт суверенитета представляет собой не односторонний договор высшего с низшим, не навязывание субъективной воли общественному целому, но «соглашение Целого с каждым из его членов», законное, справедливое и прочное соглашение, в основе которого лежит общественный договор [10, с. 173]. При этом, согласно Руссо, принципы любого соглашения, в том числе общественного договора, могут быть пересмотрены, если они не удовлетворяют интересам социального целого. Поскольку народ (суверен) не способен в полной мере осуществить своё стремление к благу, он нуждается в «поводыре» – законодателе, а также в правительстве, претворяющем эти законы в жизнь, которое по отношению к суверену является всего лишь «служителем». Отход от последовательного эссенциализма проявляется в отказе Руссо признать естественный и неизменный характер власти, а его размышления о природе рабства обнаруживают переключку с гегелевской диалектикой господина и раба. Так, французский мыслитель подчёркивает относительный характер таких понятий, как рабство и господство («Иной мнит себя повелителем других, что не мешает ему быть рабом в большей ещё мере, чем они» [10, с. 311]). Если для эссенциалистской теории власти Аристотеля характерно признание существования рабства «по природе», то Руссо утверждает, что рабом можно быть и «вопреки природе». Более того, состояние рабства является внеправовым и не может быть признано установленным раз и навсегда: «раб, который стал таковым во время войны, или завоёванный народ ничем другим не обязан своему повелителю, кроме как повиновением до тех пор, пока его к этому принуждают» [10, с. 158-159], следовательно, состояние войны между победителем (господином) и побеждённым (рабом) продолжается.

Идейные последователи Руссо в XIX в. проводят ещё более радикальную деконструкцию политического субъекта, полностью нивелируя различия между субъектом исполнительной власти и подданными: «между народом и правительством вообще нет различий, даже техническое умение не говорит о минимальном господстве правящих» [11, с. 14]. Очевидно, что подобное понимание суверенитета и закона направлено одновременно против как философских концепций, исходящих из трансцендентного метафизического толкования

закона, так и против абсолютизма как формы государственного устройства. Однако, как отмечает Б. де Жувенель, характеризуя различные политико-философские теории суверенитета, «среди этих теорий нет ни одной, которая бы, в конце концов, рано или поздно отклонившись от своего первоначального замысла, не усилила бы власть» [12, с. 55]. Философские теории власти, вскрывая недостатки существующего политического строя и предлагая всевозможные проекты его переустройства, отнюдь не всегда способствовали гуманизации или демократизации общества.

Как бы парадоксально это ни звучало, власть абсолютного монарха (короля) является менее тотальной и тотализирующей и предлагает подвластному больше возможностей ускользания, чем современная система дисциплинарной власти [13]. Абсолютизм, который базируется на трансцендентном понимании закона и концепции естественного права, ставит властителя в зависимость от указанных метафизических оснований. Монарх, являющийся субъектом власти, детерминирован высшим, трансцендентным (божественным) законом. В свою очередь, непреложная сила и неоспоримая власть божественного закона коренится в идее естественного права, которое, по выражению Г. Гроция, «столь незыблемо, что не может быть изменено даже богом» [14, с. 72].

Таким образом, классическая метафизика, признавая верховенство трансцендентного закона, ограничивала сферу действия власти. Критика метафизической трактовки власти, развёртывающаяся в современной философии, – это борьба с порядком осуществления трансцендентной власти, борьба за утверждение множественного характера властных отношений, имманентных социальным структурам, а не трансформирующим их «сверху» или «извне».

К основным тенденциям современной неклассической философии можно отнести критику эссенциалистских моделей власти в целом и разработку иных концепций власти, в которых происходит отказ от поиска её неизменной самодостаточной сущности или природы. Преодоление эссенциализма происходит путём переосмысления отношения власти как двустороннего, амбивалентного и обратимого, не детерминированного высшей метафизической сущностью. Кроме того, современные неклассические исследования власти демонстрируют узость и эвристическую ограниченность вертикальной субъектно-объектной модели власти. В современных исследованиях в качестве альтернативы классической картезианской категории субъекта предлагаются концепты

«субъектные позиции» (Э. Лаклау, Ш. Муфф) [15], актор, габитус (П. Бурдьё) [16], «множество» (М. Хардт, А. Негри) [17], «homo sacer» (Дж. Агамбен) [18] и др.; предлагаются способы преодоления эссенциализации субъекта власти. На последнем аспекте следует остановиться подробнее.

Во-первых, необходимо определить, что скрывается за распространённым в неклассической философии тезисом о «смерти субъекта». Многие направления современной философии (а не только отдельные политико-философские учения) нацелены на раскрытие конструктивной и, следовательно, неэссенциалистской природы самого понятия «субъект» [19]. Устойчивый самотождественный субъект является результатом онтологизации и гипостазирования гносеологического концепта нововременной метафизики: гносеологическая категория субъекта была перенесена на онтологическую структуру мира. В постструктуралистской парадигме происходит деонтологизация гипостазированного в метафизике Нового времени субъекта. Однако критика субъектно-объектной онтологической модели осуществляется отнюдь не только со стороны постструктурализма: «Если бинарная оппозиция субъект-объект представляет собой важнейший элемент онтологии классического типа, устанавливающей иерархические отношения фундирования между двумя членами оппозиции, то неклассическая онтология характеризуется направленностью на выход за пределы такой оппозиции. Преодоление субъектно-объектной модели вовсе не является “постмодернистским” трендом, кристаллизовавшимся в расхожем клише “смерти субъекта”. Это – закономерный ход в развитии философского мышления, истоки которого можно обнаружить уже в гегелевской диалектике и на необходимость которого указывал, в частности, Ю.М. Лотман» [20, с. 129]. Продолжая список «ниспровергателей» классической нововременной категории субъекта, упомянем об идеях Ф. Ницше, согласно которому единство субъекта есть не что иное, как «фикция», это неподлинное, искусственное единство гетерогенных состояний реальности: «“Субъект” есть фикция, будто многие наши одинаковые состояния суть действия одного субстрата: но мы сами же *создали* одинаковость этих состояний; на деле одинаковость нам не дана, а мы сами *предполагаем* эти состояния равными и приспособляем их друг к другу. Допущение *единого субъекта*, пожалуй, не является необходимым; может быть, не менее позволительно принять множественность субъектов, солидарные деятельность и борьба которых лежат в основе нашего мышления и вообще нашего сознания» [21, с. 590,

592]. Значимые шаги в направлении раскрытия конструктивного характера субъекта были сделаны в концепции общественно-исторической практики К. Маркса, в психоанализе З. Фрейда, а также в работах М. Бахтина, Р. Барта, Ж. Делёза и М. Фуко.

Во-вторых, критика субъектно-объектной эссенциалистской модели власти связана со сложностью чёткой и однозначной демаркации в её рамках «властителя», «господина», т.е. субъекта власти от «подвластного», т.е. её объекта. Поскольку чёткое разграничение субъекта и объекта власти становится проблематичным, можно говорить об их трансгрессивном характере. Как убедительно демонстрирует А. Кожев во «Введении в чтение Гегеля», уже гегелевская диалектика господина и раба построена на тождестве и взаимопроникновении, трансгрессии противоположностей господства и рабства. Субъект власти – господин – в борьбе за признание со стороны другого преодолел страх смерти, рабом же становится тот, чьё биологическое желание жить (пусть даже и отказавшись от свободы) пересиливает желание сугубо человеческое – быть признанным. Однако господин, ведущий праздный образ жизни, зависим от производимых рабом продуктов и услуг, что делает его в итоге рабом своего раба. Напротив, раб, вынужденный трудиться, трансформирует мир природных, необработанных объектов в мир культурных артефактов, господином над которыми он становится, и при этом трансформируется, преобразуется сам. Раб учится и господству над собой, сдерживая свои желания, аффекты, отказываясь от удовлетворения своих насущных потребностей. Путь господина – это путь «тупика», и не только потому, что самотождественность, как мы показали выше, губительна для любой власти. Добившись признания со стороны раба («несвободного сознания»), господин так и не смог удовлетворить в полной мере свою потребность в признании, поскольку его признал тот, кому сам он в признании отказывает [5]. Гегелевская диалектика господина и раба исходит уже не из перспективы трансценденции, но из горизонта трансгрессии: она основана на подвижности, условности, относительности понятий субъекта и объекта власти, размытости границ между ними. Господин в трактовке Гегеля лишается прерогативы единоличного источника и носителя власти, а раб, соответственно, не является рабом в абсолютном смысле этого слова. Раб тоже властвует над произведенным им миром вещей, над своими страстями и желаниями, и в этом смысле может рассматриваться в качестве субъекта в противоположность миру объектов (произведённых им культурных артефактов). Таким образом,

отношения власти согласно гегелевской диалектике раба и господина не являются раз и навсегда установленными. Господство, как показывает Гегель, предполагает наличие двух сторон, оно не является привилегией, окончательно закреплённой за одной из них: господин так же нуждается в рабе, как и раб в господине. Гегель раскрывает уязвимость власти самотождественной, замкнувшейся в своих границах. Власть должна иметь возможность трансгрессии, выхода за свои собственные пределы, иначе её, как любую замкнутую систему, ждёт коллапс.

Любопытное понимание субъекта верховной власти («господина») обнаруживает военная теория К. Клаузевица. Немецкий теоретик, сравнивая войну с карточной игрой, подобно Гегелю, отводит значительную роль в конституировании субъекта власти фактору риска, случайности, опасности, готовности пойти на смерть [22, с. 52-53, 80], что даёт нам основание интерпретировать его идеи как вклад в развитие гегелевской фигуры господина («Herr»). Привлекая для анализа характеристики разноуровневых субъектов военных действий (рядовых, офицеров, полководцев) Клаузевиц обнаруживает парадоксальный феномен уязвимости верховного субъекта власти на войне, зависимого в своих решениях и поступках от ложной или непроверенной информации и других факторов риска: «...вождь крупного целого находится постоянно под ударом волн ложных и истинных сообщений; ошибок, допущенных вследствие страха, небрежности, торопливости или упрямства <...> он окружён случайностями, которых никто не мог бы предусмотреть» [22, с. 213]. Тем самым обнаруживается значимость коммуникативных практик и иррациональных факторов в конституировании субъекта власти. Слабость и неустойчивость верховной позиции власти связана с её зависимостью от самых разнообразных обстоятельств, в результате чего конституирующее значение для субъекта приобретает само его место в иерархической системе властных отношений: «смелость (а для Господина это важнейшее свойство – Н.Б.) мы находим *тем реже, чем выше мы поднимаемся по ступеням служебной иерархии*» [22, с. 209]. Теория субъекта военных действий, предложенная Клаузевицем, не лишена элементов детерминизма, однако это детерминизм не метафизический (основанный на зависимости субъекта от абсолютной метафизической сущности), но детерминизм, который можно обозначить как социально-пространственный. Речь идёт о признании зависимости субъекта от трансформирующихся динамичных структур социального пространства, влияющих на его способ

мысли и действий. Каждая позиция субъекта в иерархической структуре социального пространства предъявляет к нему разные требования, что свидетельствует об отсутствии универсальных характеристик субъекта (господина), которые оставались бы неизменными на разных уровнях отношений власти. Как это ни парадоксально, чем выше положение субъекта в социальной иерархии, тем больше возрастает его зависимость от обстоятельств, тем труднее ему осуществлять свою властную функцию – принятие необходимого решения. Таким образом, не существует единого универсального субъекта – источника и носителя суверенной власти. Границы субъекта подвижны и открыты, и всегда существует возможность трансгрессии установленных границ.

В-третьих, эвристические тупики концепций власти, основанных на принципах эссенциализации субъекта, проявляются в проблематичности описания с опорой на них ситуации «господства над собой» или «рабства у самого себя», для которой характерно трансгрессивное совпадение феноменов властителя и подвластного, субъекта и объекта власти.

Опираясь на обширный историко-философский материал (диалоги Платона, философия киников и стоиков, христианская философия) М. Фуко обнаруживает общекультурное значение практики «заботы о себе» и её роль в становлении субъекта политической власти. Анализируя платоновский «Алкивиад», Фуко обосновывает, что потребность «озаботиться собой» возникает в условиях древнегреческого полиса в связи с необходимостью осуществления власти над другими, ибо для управления социальным целым наследственные привилегии являются не достаточными. Для нахождения истины, являющейся условием власти, субъекту предстоит длительная и трансформация (практики очищения, аскезы, отречения от себя самого и т.д.), приводящая к изменению самого его бытия: «нужно, чтобы субъект менялся, преобразовывался, менял положение, в известном смысле и в известной мере становился отличным от самого себя, дабы получить право на доступ к истине» [23, с. 28]. Субъект не просто осуществляет процесс духовной самотрансформации, его преобразует и открытая им истина. Вместе с тем практика «заботы о себе» – это отнюдь не аскетическая практика отречения от мира в поисках глубин собственного Я, напротив, Фуко подчёркивает её интересубъективный характер, предполагающий взаимодействие Я и Другого. Стать субъектом можно лишь будучи включённым в интересубъективные культурные программы с опорой на социальный институт на-

ставничества. В философии стоиков духовные практики «заботы о себе» направлены на освобождение субъекта от рабства у самого себя – непомерного бремени разного рода обязательств и ожидания должной награды за свой труд. Таким образом, субъект в стоицизме мыслится не как самотождественное основание отношений власти, но, прежде всего, как цель установления власти над самим собой, «спасения себя», при котором в понятие «сам» объединяются «субъект, объект, средство и цель спасения» [23, с. 209]. И лишь с утверждением и распространением в философском дискурсе картезианского понимания субъекта как самоочевидного основания мира, которому открыта истина, произошла окончательная подмена принципа «заботы о себе» принципом «познания самого себя». Отныне условия обладания истиной (а, следовательно, и властью) мыслятся укоренёнными в безусловном и неоспоримом бытии субъекта, лишённого каких-либо сущностных трансформаций: «субъект, как он есть, может прийти к истине» [23, с. 32].

Методологическая ограниченность эссенциалистских теорий власти привела к появлению принципиально новых политико-философских теорий, базирующихся на отказе от классической картезианской категории субъекта. Важный шаг в направлении преодоления эссенциализма был сделан в концепции интерпелляции (l'interpellation) Л. Альтюссера, согласно которой субъект является конститутивным элементом политической идеологии. Интерпелляция – это обращение в рамках той или иной идеологической системы, для которой конкретный индивид уже существует в качестве субъекта. Хрестоматийный альтюссеровский пример интерпелляции – ситуация на улице, когда прогуливающиеся прохожие слышат оклик полицейского (или кого-то другого): «Эй, вы там!» [24]. И, как правило, этот оклик не остаётся без ответа – вербального или невербального, наличие которого означает признание себя субъектом, сконструированным дискурсивными практиками власти. Важно отметить, что субъект в понимании Альтюссера лишён права на автономизацию, монополизированного дискурсом власти. Трансформация индивида в субъект есть не замечаемая нами в повседневной жизни функция идеологии, для которой «индивидуумы всегда-уже являются субъектами», т.е. для каждого заранее предписана определённая субъектная позиция и установлен запрет на её трансгрессию: никто не имеет права безнаказанно выходить за рамки отведенной ему социальной роли. Откликаясь на идеологическое обращение, индивид признаёт за собой социальную позицию и место в социальном пространстве, очерченное для

него идеологией, носящей, по Альтюссеру, поистине тотальный характер. Таким образом, согласно Альтюссеру, понятие «субъект» можно трактовать как элемент дискурса власти, насильственно и в то же время незаметно навязанный индивиду, так что репрессивный и подчиняющий характер этой субъектности остаётся неосознанным для него самого. Но если есть адресант интерпелляции, то должен быть и её адресант – абсолютный Субъект («Бог», «де Голль», «хозяин предприятия», «инженер» и т.д.), от имени которого и осуществляется идеологическое воздействие на массы. Таким образом, этот высший единственный Субъект также является элементом идеологии, что свидетельствует о его неэссенциалистском, конструктивном характере. Идеологическая схема «Субъект – субъекты» нацелена на установление воспроизводящейся устойчивой связи между двумя её полюсами, которое возможно путём «узнавания» индивидами себя в идеологических «окликах» и добровольного подчинения высшему Субъекту. Обращаясь к индивиду как к «всегда-уже субъекту» (в современном обществе можно привести массу примеров таких «интерпелляций» – рекламные сообщения, теле- и радиопередачи, ориентированные на определённые целевые группы, социальные сети и т.д.), власть с помощью идеологии получает возможность незаметного и эффективного воздействия на общество.

Наиболее значимой вехой критики эссенциалистских концепций власти можно признать появление концепции дисциплинарной власти М. Фуко. Знаменательна сама постановка вопроса о власти, предложенная французским мыслителем: «Простой вопрос, совершенно плоский и эмпирический: “Как это происходит?” ... имеет своей функцией не “протащить тайком” метафизику или онтологию власти, но попытаться провести критическое исследование на тему власти» [25, с. 175]. Фуко выстраивает не метафизику, но микрофизику власти, социальные практики которой тончайшими капиллярами пронизывают всё социальное пространство.

Отношения дисциплинарной власти в интерпретации Фуко выражаются не только и не столько в господстве и угнетении, сколько в *производстве* социальной реальности. Само название данного типа власти указывает на широкое использование ею дисциплинарных методов, практик и упражнений, призванных нормализовать производимых ею индивидов, наделить их послушными телами и чётко определённым местом в аналитически расчленённом пространстве. Как и для Альтюссера, для Фуко характерно разделение понятий «инди-

вид» и «субъект». Субъект трактуется им как функция, навязываемая системой отношений власти. Власть трансформирует индивидов в субъекты (и здесь необходимо вспомнить о многозначности французского слова «le sujet» («субъект»), которое можно перевести как «подданный»). Но, в отличие от Альтюссера, придерживающегося эссенциалистской трактовки применительно к индивиду, Фуко осуществляет деконструкцию указанного понятия, рассматривая индивида не как феномен, предшествующий отношениям власти, но как продукт дисциплинарной власти.

Справедливости ради отметим, что фукольдиданская теория власти признаёт и наличие вертикального одностороннего отношения между властителем и подвластным. Однако данный тип отношений власти («власть-господство») является исторически ограниченным и менее эффективным, нежели пришедшие ему на смену начиная с эпохи Модерна отношения дисциплинарной власти. Господство монарха, согласно Фуко, отличается асимметричным, точечным и прерывным характером, это власть индивидуализированного суверена над недифференцированными, неиндивидуализированными множественностями. В свою очередь, власть дисциплинарная осуществляется посредством конституирования самотождественных, обладающих фиксированной определённой субъектов-тел, доступных учёту и контролю «индивидов», которые в действительности воплощают принципы тождества и безличной идентичности. Это власть посредством субъективации [26]. Размышления на эту тему можно найти уже в черновых записях Ф. Ницше. Так, философ отмечает: «Тот, кто мыслит и чувствует весьма непостоянно, гибнет, он не способен продолжить свой род. Таким образом, возможно, существует некий предел индивидуации. <...> Чем больше сходства, тем сильнее возрастает продуктивность, каждый находит себе удовлетворяющую его самку – то есть следствием морали становится *перенаселение*. Чем меньше сходства, тем –» [27, с. 219]. Согласно Фуко, в качестве дисциплинарных практик конституирования «нормальных» индивидов могут выступать: панграфизм, паноптизм, системы воспитания, образования и здравоохранения [13; 26]. Посредством этих и других практик осуществляется производство «функции-субъекта», «покорных тел».

Для позднего творчества Фуко характерен отказ от трактовки субъекта как исключительно эффекта или функции власти: как подчёркивает сам мыслитель, целью его творчества на протяжении двадцати лет был не анализ феноменов власти,

но исследование различных режимов субъективации [25, с. 161]. В курсе лекций, прочитанном в Коллеж де Франс в 1981-82 учебном году и изданном под названием «Герменевтика субъекта», Фуко исследует уже не практики власти, конституирующие субъект, но субъективацию (subjectivation) – совокупность «техник себя», с помощью которых сам человек делает себя субъектом [23]. В чём же заключается причина поворота позднего Фуко от анонимных практик власти к «практикам себя», ансамблю культурных техник «заботы о себе»? И здесь мы подходим к важнейшей проблеме взаимосвязи власти и свободы, власти и демократии. Эссенциалистские подходы ограничивают свободу изначально заданной сущностью власти. Но эта предустановленная сущность ограничивает и саму власть. Как возможно обоснование свободы в русле теории дисциплинарной власти, помещающей индивида в чётко отведённое ему место и заставляющей его функционировать таким образом, что он сам, незаметно для себя самого, активно участвует в производстве отношений власти? На наш взгляд, с утверждением субъект-созидающих «практик себя» Фуко намечает «траектории ускользания» от власти, и этот концептуальный ход позволяет ему обосновать неразрывную связь власти с феноменом свободы, для которого в концепции дисциплинарной власти просто не оставалось места. По меткому выражению Ю. Хабермаса, «кроме субъекта и объекта Фуко выбрасывает за борт и интуицию свободы и освобождения, оставляя на первом плане только способы принуждения, которыми располагает философия субъекта» [28, с. 302].

Кроме того, как это ни парадоксально, деятельность французского мыслителя в группе информации по тюрьмам (ГИТ) послужила поводом и для прямо противоположного обвинения его в эссенциализации или субстанциализации субъекта. Поскольку, по словам Фуко, заключённые «сами прекрасно и отчётливо всё знают, знают даже намного лучше, чем интеллектуалы, и гораздо лучше могут это выразить», они и выступают в качестве самотождественного субъекта, противостоящего репрессивным отношениям власти [29, с. 60; 30].

Однако от методологической «Ахиллесовой пяты», присущей концепции Фуко, не избавлены и работы его критиков. В частности, представительница школы постколониальных исследований Г.Ч. Спивак использует в своих работах концепт «субальтерный субъект», признавая тем самым возможность «стратегического эссенциализма» [30]. Таким образом, критика эссенциализма здесь проводится непоследовательно, что, на наш взгляд,

может быть охарактеризовано как «эссенциализм ad hoc» (который свойствен, как мы выяснили, и взглядам самого Фуко).

Подводя итог настоящему исследованию, следует подчеркнуть, что на современном этапе развития философской мысли, в эпоху кризиса метафизики использование классической эссенциалистской субъектно-объектной модели власти представляется теоретически неплодотворным и бесперспективным. Вместе с тем, следует подчер-

кнуть несостоятельность и постструктуралистской радикальной интенции на устранение из философского дискурса категории субъекта, которая привести к ситуации «выплескивания вместе с водой и ребёнка». Кроме того, неклассические концепты, используемые для описания политической субъектности, в значительной степени призваны служить средством теоретического обоснования демократии, которое в рамках эссенциализма представляется весьма проблематичным.

Список литературы:

1. Ницше Ф. Черновики и наброски 1887-1889 гг. // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 13. М.: Культурная революция, 2006. 656 с.
2. Балаклеец Н.А. Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 38-42.
3. Лёвит К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. СПб.: Владимир Даль, 2002. 672 с.
4. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.
5. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
6. Аристотель. Политика. URL: <http://royallib.ru/read/aristotel/politika.html#20480>.
7. Ямпольский М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 800 с.
8. Балаклеец Н.А. Онтологические аспекты монархической власти (на материале романа И.И. Лажечникова «Деляной дом») // Филология: научные исследования. 2015. № 2. С. 138-147. DOI: 10.7256/2305-6177.2015.2.15475.
9. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41-62.
10. Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 151-256.
11. Филиппов А.В. Критика Левиафана // Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 5-100.
12. Жувенель Б. де. Власть: Естественная история её возрастания. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. 546 с.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
14. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
15. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. L.: Verso, 2001. 198 p.
16. Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
17. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
18. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
19. Фаритов В.Т. Субъект и сознание в режиме трансгрессии // Философия и культура. 2015. № 4. С. 496-504. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.4.10907.
20. Фаритов В.Т. Онтологический статус феномена дискурса // Эпистемология и философия науки. 2014. № 1. С. 124-136.
21. Ницше Ф. Воля к власти. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2003. 864 с.
22. Клаузевиц К. О войне. М.: Логос; Наука, 1994. 446 с.
23. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
24. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>.
25. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.
26. Фуко М. Психиатрическая власть. СПб.: Наука, 2007. 450 с.
27. Ницше Ф. Черновики и наброски 1880-1882 гг. // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9. М.: Культурная революция, 2013. 688 с.
28. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М.: Весь Мир, 2008. 416 с.
29. Матвеев И. Фуко, Группа информации по тюрьмам и парадоксы политики истины // Неприкосновенный запас. 2013. № 2 (88). С. 48-66.
30. Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 649-670.
31. Фаритов В.Т. Философские аспекты времени и пространства в творчестве А.С. Пушкина // Litera. 2015. № 1. С. 1-30. DOI: 10.7256/2409-8698.2015.1.15098. URL: http://www.e-notabene.ru/fil/article_15098.html.

References (transliterated):

1. Nitsche F. Chernoviki i nabroski 1887-1889 gg. // Nitsche F. Poln. sobr. soch.: v 13 t. T. 13. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. 656 s.
2. Balakleets N.A. Terra nullius i otnosheniya vlasti v sotsial'nom prostranstve // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 396. S. 38-42.
3. Levit K. Ot Gegelya k Nitsche. Revolyutsionnyi perelom v myshlenii XIX veka. SPb.: Vladimir Dal', 2002. 672 s.
4. Kozhev A. Ponyatie vlasti. M.: Praxis, 2006. 192 s.
5. Kozhev A. Vvedenie v chtenie Gegelya. SPb.: Nauka, 2003. 792 s.
6. Aristotel'. Politika. URL: <http://royallib.ru/read/aristotel/politika.html#20480>.
7. Yampol'skii M. Fiziologiya simvolicheskogo. Kniga 1. Vozvrashchenie Leviafana: Politicheskaya teologiya, reprezentatsiya vlasti i konets Starogo rezhima. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 800 s.
8. Balakleets N.A. Ontologicheskie aspekty monarkhicheskoi vlasti (na materiale romana I.I. Lazhechnikova «Delyanoi dom») // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2015. № 2. S. 138-147. DOI: 10.7256/2305-6177.2015.2.15475.
9. Khaidegger M. Vremya kartiny mira // Khaidegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya. M.: Respublika, 1993. S. 41-62.
10. Russo Zh.-Zh. Ob Obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava // Russo Zh.-Zh. Traktaty. M.: Nauka, 1969. S. 151-256.
11. Filippov A.V. Kritika Leviafana // Shmitt K. Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa. SPb.: Vladimir Dal', 2006. S. 5-100.
12. Zhuvenel' B. de. Vlast': Estestvennaya istoriya ee vozrastaniya. M.: IRISEN, Mysl', 2011. 546 s.
13. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. M.: Ad Marginem, 1999. 479 s.
14. Grotsii G. O prave voyny i mira. M.: Ladomir, 1994. 868 s.
15. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. L.: Verso, 2001. 198 p.
16. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.: Aleteiya, 2007. 288 s.
17. Khardt M., Negri A. Mnozhestvo: voina i demokratiya v epokhu imperii. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. 559 s.
18. Agamben Dzh. Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'. M.: Evropa, 2011. 256 s.
19. Faritov V.T. Sub"ekt i soznanie v rezhime transgressii // Filosofiya i kul'tura. 2015. № 4. S. 496-504. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.4.10907.
20. Faritov V.T. Ontologicheskii status fenomena diskursa // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2014. № 1. S. 124-136.
21. Nitsche F. Volya k vlasti. M.: Eksmo; Khar'kov: Folio, 2003. 864 s.
22. Klauzevits K. O voine. M.: Logos; Nauka, 1994. 446 s.
23. Fuko M. Germenevtika sub"ekta: Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1981-1982 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2007. 677 s.
24. Al'tyusser L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) // Neprikosnovennyi zapas. 2011. № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>.
25. Fuko M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. M.: Praxis, 2006. Ch. 3. 320 s.
26. Fuko M. Psikhiatricheskaya vlast'. SPb.: Nauka, 2007. 450 s.
27. Nitsche F. Chernoviki i nabroski 1880-1882 gg. // Nitsche F. Poln. sobr. soch.: v 13 t. T. 9. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2013. 688 s.
28. Khabermas Yu. Filosofskii diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektsii. M.: Ves' Mir, 2008. 416 s.
29. Matveev I. Fuko, Gruppy informatsii po tyur'mam i paradoksy politiki istiny // Neprikosnovennyi zapas. 2013. № 2 (88). S. 48-66.
30. Spivak G.Ch. Mogut li ugnennyye govorit' // Vvedenie v gendernyye issledovaniya. Ch. 2. Khar'kov: KhTsGI; SPb.: Aleteiya, 2001. S. 649-670.
31. Faritov V.T. Filosofskie aspekty vremeni i prostranstva v tvorchestve A.S. Pushkina // Litera. 2015. № 1. S. 1-30. DOI: 10.7256/2409-8698.2015.1.15098. URL: http://www.e-notabene.ru/fil/article_15098.html.